

Полина Рей
СПАСИ
моего сына

16+

Полина Рей
Спаси моего сына

«Автор»

2020

Рей П.

Спаси моего сына / П. Рей — «Автор», 2020

— Помоги спасти сына. Муж произносит эти слова, а у меня внутри всё переворачивается.— Какого сына? — шепчу хрипло, не представляя, что это за розыгрыш.— Моего... у меня всё это время была вторая семья, Сонь. Мне казалось, что наша жизнь — полная чаша. Не хватало лишь малыша, которого я так хотела. Всё рухнуло в тот момент, когда муж пришёл ко мне и попросил спасти его ребёнка. Ребёнка, которого ему родила другая.

© Рей П., 2020

© Автор, 2020

Полина Рей

Спаси моего сына

– Дань, а давай собаку заведём, а?

Мы с мужем мчимся по трассе на дачу. Кругом безлюдно и тихо. В окно долетает весенний ветерок. На душе спокойствие, а в мыслях – тысяча планов на то, как будет строиться наша дальнейшая жизнь.

Я вообще часто фантазирую и строю всякие замки из песка. И кажется, что все мечты воплотятся в жизнь.

– Не, не заведём. Ты же лося какого-нибудь захочешь, – разбивает в пух и прах мои надежды на домашнюю скотинку Даниил.

– Ну лабрадора, может... или корги. Знаешь, корги, они вроде как большие, а вроде нет, – пытаюсь я отстоять право решить хоть что-то.

– Не знаю, – цедит Даня и сосредотачивается на дороге.

Я же именно сейчас понимаю, почему завела этот разговор. Меня явно тревожит то, каким молчаливым стал муж в последнее время. Как подолгу сидит, уставившись в одну точку, и мне кажется, что он от меня что-то скрывает. Банально до невозможности, знаю... Порой хочет сказать, но как будто передумывает.

– У тебя случилось что-то? – спрашиваю как можно спокойнее, чуть повернувшись к мужу.

– С чего ты взяла?

– С того, какой ты.

– А какой я?

– Ну, не знаю. – Чуть пожимаю плечами. – Угрюмый...

– Нормальный я.

Он сцепляет челюсти, на скулах начинают играть желваки. Не люблю, когда всё так. Когда каждое слово, как клещами тянешь.

– Ладно. Нормальный, значит, нормальный.

Теперь уже моя очередь просто взять и отвернуться к окну. И стать подчёркнуто холодной. С Даней это всегда срабатывает безотказно. Он тут же озадачивается тем, что со мной случилось. Иногда от этого смешно и грустно одновременно.

Мы с мужем прожили вместе десять лет. Он меня взял девчонкой-несмышлёнышем, когда мне едва стукнуло восемнадцать. До сих пор говорит, что влюбился без памяти, а я... я же по нему с ума сходить начала едва ли не с первого взгляда.

Наша жизнь была полной чашей, но было и то, что омрачало счастливые будни – ребёнок. Вернее, его отсутствие. Я и о собаке заговорила от какой-то тоски бабской, когда хочется излить всё, что есть, хоть на кого-то.

«Всё у нас будет. Тебе ещё и тридцати нет. Родим ещё детей», – заверял Даня, а я ему верила.

Конечно, родим. Когда и он сам до этого дозреет, а не только мои материнские инстинкты.

– Воздух – бомбовый! – восхищаюсь, едва выходя из машины, стоит только мужу припарковать наш кроссовер во дворе дачи.

Всегда удивлялась этому контрасту. Здесь казалось, что каждый вдох – как глоток. Будто кислород можно пить.

– Бомбовый, да, – рассеянно откликается Даня и начинает вытаскивать пакеты с продуктами из машины. – Иди дом отпирай, – командует мне.

Уже в коридоре пахнет так, что на душе становится хорошо. Деревенский аромат, нет, совсем не тот, что может долететь сюда с близлежащей фермы. Просто дом, знакомый с детства... Где всё родное, близкое и настоящее.

Здесь можно надеть старые шорты и растянутую футболку, выйти босиком, спуститься с ветхого крыльца и погрузить ступни в мягкую влажную от росы траву. Здесь я кайфую, хоть десять мне лет, хоть двадцать восемь.

– Продукты раскидаешь?

Даня ставит пакеты на пол кухни, смотрит на меня. Хмурится, и сейчас особенно остро хочется подойти к нему, обнять, прижаться. Уткнуться носом в изгиб шеи, вдохнуть ни с чем не сравнимый аромат его кожи... и просто стоять так.

– Раскидаю, – говорю вместо этого, начиная разбирать пакеты.

Не проходит и минуты, как слышу настороженное:

– Соф... случилось что-то?

Приходится отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Ну почему мужики порой такие идиоты? Наверное, это вопрос вопросов для множества женщин. И наверное, мы с ними слишком разные, чтобы ответ удовлетворил обе стороны.

– Ничего не случилось.

Важно произнести эти слова совершенно спокойно и с ледяным оттенком. Отсчитать несколько мгновений, чтобы по прошествии их почувствовать на плечах сильные руки мужа.

Он разворачивает меня лицом к себе и пристально смотрит.

– Говори, что случилось.

Ну вот как здесь не сорваться и не рассказать о том, что именно меня тревожит? Удерживает только понимание, что в этом случае Даня снова закроется, и как бы я ни скакала вокруг, ничего из него не вытащишь.

– Да ничего не случилось, я же сказала. Печку давай топить.

Высвободившись из его рук, я начинаю растапливать печь, предварительно запихнув внутрь несколько брикетов. Чувствую на себе пристальный взгляд мужа, но делаю вид, что ничего не замечаю.

– Как разгорится – подбросишь? А я пока ужин приготовлю, – говорю Даниилу, распрямляясь и отряхивая руки.

– Окей, – отвечает он, и я отправляюсь к простой газовой плите, чтобы сообразить хоть что-то удобоваримое на ужин.

В эту ночь Даня берет меня как-то особо яростно. Как будто мы с ним вновь вернулись в прошлое, где стали молодыми, лет двадцати от силы. Можно позволить себе все – в том числе и покричать так, чтобы не разбудить соседей.

– Кайфово, когда ночи белые, – говорит муж, откинувшись на подушку.

Я лгну к его влажной от пота груди, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Втягиваю жадно аромат от айкоса... Чёрная смородина, мягкие клубы дыма.

– Да, очень кайфово, – бормочу едва слышно и проваливаюсь в сон.

Мне снится ребенок. Маленький мальчик стоит и тянет ко мне руки. Кажется, есть общие черты с Даней, но я понимаю, что это не наш сын. Чувствую это нутром, напоминаю себе, что это всего лишь сон.

– Сооооо... Соооооо...

Твою мать! Он же имя моё хочет произнести, а у него ничего не получается. Резко распахнув глаза, сажусь на постели. Рядом недовольно ворочается Даня.

– Случилось что? – спрашивает хрипло.

– Нет, всё нормально. Я встану, на улицу выйду.

– Давай.

Он снова засыпает, я же накидываю на себя длинную толстовку и, сунув ноги в тапки, выхожу из дома. Меня не оставляет какое-то странное чувство. Как будто стою на пороге того открытия, которое мне совсем не понравится.

Иногда муж в шутку называет меня ведьмой, потому что я вижу вещие сны. Но это всё такая ерунда, на которую лишь можно махнуть рукой. Просто порой моё внутреннее чутьё выдаёт что-то, что впоследствии сбывается.

Прикрываю глаза – перед ними снова образ того мальчишки. Вроде и на Даню похож, но это не он. Я же досконально помню, как муж выглядит на детских фотографиях.

Ладно, с этим разберёмся. Скорее всего, подсознание так отреагировало на мысли о ребёнке.

Жадно втягиваю свежий воздух и иду на кухню, чтобы заварить себе кофе. Даня будет спать до полудня, а это значит, у меня есть много времени, чтобы побыть наедине с собой.

– Дань, слушай... сон мне один покоя не даёт, – говорю мужу, когда возвращаемся в город.

Вроде за последнее время Даниил стал более спокойным, хотя, нет-нет, да и зависал на чём-то своём. Но добиться от него ответа на вопрос: «Что случилось?» – не получалось.

– Опять вещей? – улыбается он, отточенным жестом беря айкос и вставляя в него стик. Вторая рука уверенно сжимает руль, но при этом вся поза мужа кажется обманчиво-расслабленной.

– Не знаю. Ума не приложу. Уже дважды во сне парня видела.

– Мне начинать ревновать? – хмыкает Даня.

– Да нет. Парню лет пять-шесть. Смешной такой. На тебя похож.

Машина виляет в сторону. Резко, без каких-то на то причин. Ойкаю и хватаюсь за ручку на дверце, удивлённо смотрю на мужа.

– Кошка... показалось, что кошка.

Мои брови помимо воли сходятся на переносице. Теперь от спокойного вида Дани нет и следа. Он жадно затягивается, теперь уже впивается в руль так, что белеют костяшки пальцев.

– Дань... ты меня пугаешь, правда... Я не понимаю, что творится.

– Ничего не творится. Я же сказал – думал, что кошка на дорогу выбежит.

Некоторое время мы едем в полном молчании. Я кошусь на мужа, он – смотрит прямо перед собой, и понять по его виду хоть что-то невозможно.

– Что за мальчик это? Что во сне происходит? – наконец сдавленным голосом спрашивает он у меня.

Вновь смотрю на него с подозрением, но начинаю рассказывать:

– Да вроде ничего особенного. Руки ко мне тянет. Имя пытается сказать, но выходит только «Сооооо, Соооо». У меня мурашки каждый раз как вспомню.

– Понятно. А что за ребёнок, не знаешь?

– Неа. Понятия не имею. На нашего не похож. Ну, в смысле, короче...

Не знаю, как пояснить. У нас ведь детей нет, так что откуда я могу знать, похож ли он на нашего – ума не приложу. Просто чувствую это и всё.

– И не ты это в детстве. Но вот снится и всё.

Отмахиваюсь и улыбаюсь через силу. Даю понять, чтобы не брал в голову. Это просто сработавшее подсознание, которое на что-то реагирует вот такими сновидениями. Больше ничего.

Мы добираемся до дома в полной тишине. А потом происходит странное – Даня, вынув сумки и дотащив их до квартиры, вдруг обращается ко мне:

– Сонь, я отъеду по делам, окей? – спрашивает настолько внезапно, что я замираю соляным столпом.

Вроде утром ещё собирались пару комедий посмотреть, суши на ужин заказать.

– У нас вроде планы были, Верниковский. И ты куда вообще собрался?

Ладно бы ему кто позвонил – приятели или коллеги – я бы может и не заподозрила неладное. Но вот так... внезапно.

– Потом расскажу. Это срочно. Я скоро.

И он просто уходит. Быстро, как будто важнее нарисовавшихся из ниоткуда дел нет ничего на свете. Моя рука сама тянется к телефону, чтобы набрать номер Дани, потребовать ответа, но всё то же проклятое ожидание чего-то страшного не даёт мне этого сделать.

Как позже оказывается – зря.

– Со-о-о-онь, я у тебя бутеры стащу из холодильника? – спрашивает моя лучшая подруга Юлька.

Мы с ней вместе с первого класса, и она для меня – лучший психолог и заодно психотерапевт, хотя соответствующего образования у неё нет.

– Да чего ты спрашиваешь? Бери, конечно.

Я отвечаю рассеянно, всё это время безуспешно пытаюсь дозвониться до мужа.

«Абонент – не абонент», – вот, что слышу раз за разом, и меня обуревают разные чувства. От жуткой тревоги до безумной злости. А вкупе всё это – ну просто хоть сейчас стреляйся.

– Так и не взял трубку?

Юлька жуёт бутерброд, я приземляюсь напротив подруги. Если бы её сейчас не было рядом, наверное, я просто бы сошла с ума.

– Неа. Ума не приложу, куда свалил.

– И раньше такого ведь не было?

Качаю головой. Кому, как ни Юльке, известно, что у нас было с Даней до этого момента. Определённо – никаких подобных побегов.

– Понятно. Мужики иногда выдают, ты же понимаешь.

– У этого есть какая-то причина.

– Да кто ж спорит? – передёргивает плечами подруга. – Поэтому готовься – будет серьёзный разговор.

Это я понимаю и так. Хотя бы просто вставлю мозг благоверному, чтобы больше он подобного не вытворял.

– Ладно, давай хоть кинцо какое-нибудь посмотрим, – говорю Юльке и та согласно кивает.

Я успеваю задремать, свернувшись калачиком на полу возле дивана. Подруга тоже сопит рядом. Мы так и не досмотрели какое-то жутко интересное кино. Но сейчас у меня мысли совсем не об этом. Даже во сне слышу всё то же самое: «Сооооо... Соооооо»... Только теперь рядом с этим самым мальчишкой стоит мой муж.

– Юлька!

Вскакиваю и сонно оглядываюсь, не сразу понимая, где именно нахожусь.

– Что? – хрипло выдыхает она, тоже подпрыгивая следом за мной.

– А! Это Даня!

В замке поворачивается ключ. Я машинально смотрю на часы на стене – половина двенадцатого. Чёрт! Он никогда не приезжал так поздно, не предупредив заранее, что задержится.

Вскочив, несусь в прихожую. Верниковский уже вошёл и теперь стаскивает обувь. На меня не смотрит, хотя я отчаянно пытаюсь поймать его взгляд. Моё сердце колотится с такой силой, что вот-вот проломит грудную клетку.

– Да-а-ань! – зову тихо, и едва ли не отшатываюсь, стоит только мужу повернуться и посмотреть на меня.

Он бледный, грудь тяжело поднимается и опускается. Мне становится окончательно не по себе. Что же случилось? У него обнаружили неоперабельный рак четвёртой стадии? Даня понял, что наши отношения себя изжили и хочет уйти? Что, чёрт бы всё побрал, происходит?

Почему я, прожив с ним столько лет, не имею права на то, чтобы услышать правду, какой бы она ни была?

– Юля в гостях? – глухо произносит муж, и моя подруга тут же откликается:

– Да, но я уже ухожу.

Она смотрит на меня вопросительно, я быстро киваю в ответ, давая понять, что ей сейчас действительно лучше уехать.

Юлька быстро одевается, обменивается со мной ничего не значащими дежурными фразами и выходит из квартиры. Мы остаёмся наедине с Даней. Страх лишь множится, сердце ускоряет свой бег, хотя, казалось бы, куда больше?

Пока Верниковский моет руки, я иду на кухню. Быстро водружаю на плиту кастрюлю с водой, включаю конфорку. Мне кажется, если я стану воспроизводить отточенные движения – ничего не случится.

Так просто сделать вид, что прячешься. И так больно потом оказывается падение из своего убежища.

– Я сейчас ужин сделаю, – бормочу, когда муж заходит на кухню.

Садится за стол, складывает руки на нём и опускает голову.

– Я не голоден, – откликается тихо, и я застываю, занеся руку над несколькими пачками макарон.

– Понятно.

Сажусь напротив и пристально смотрю на мужа. Хочу знать, что случилось. Хочу понимать, как мне существовать рядом с этим человеком, который сейчас кажется настолько незнакомым.

И замираю, стоит только Дане вскинуть на меня взгляд.

В нём столько боли. Столько странной, ни на что непохожей тьмы. Никогда не видела ничего подобного – как будто демоны напали на Верниковского и утащили его в свой ад.

– Говори, – хрипло умоляю. – Говори уже, что произошло...

Совсем не того, что отвечает Даня, я жду. Совсем не это готова услышать.

Чуть откинувшись назад и сложив руки на груди, муж смотрит на меня и говорит:

– Соф... я прошу сейчас не для себя. Прошу за маленького мальчика. – Он делает паузу, поджимает губы, будто передумал в последний момент.

Маленького мальчика... того самого, который мне снится? Но кто это? Как я вообще с ним связана. А потом Даня шепчет три слова, после которых вся моя жизнь, до этого момента казавшаяся выстроенной и устоявшейся, падает в бездну:

– Спаси моего сына.

Что?

От ужаса таращу глаза на Верниковского. Это что – шутка такая? Какой, к чёрту, сын? У нас нет детей, если он не помнит!

Нервно хихикаю, но Даня серьёзен. Смотрит на меня так, что мне кажется, будто кожу заживо содрали. Осознание, что наша семья именно в этот момент летит в тартарары – убивает. Но я уже знаю – всё никогда не будет прежним.

– Спасти... кого? – глухо отзываюсь в ответ.

Мой голос кажется мне чужим. Это не я сейчас говорю с Даниилом. Это какая-то другая женщина, способная взять себя в руки и произнести эти слова.

– Спаси моего сына. Он пропал.

Трясу головой и закрываю глаза. Надежда на то, что в первый раз мне просто послышалось, тает, словно лёд в бокале виски. Вот только эффекта анестезии от алкоголя – нет.

– Спасти... твоего сына?

– Да.

Господи! Господи, за что мне всё это?

Вода в кастрюле на плите начинает кипеть. От бурлящей поверхности идёт пар.

И, кажется, именно такой пар и затуманивает мой мозг, иначе как объяснить себе тот факт, что он превратился в желе, я не знаю.

– Верниковский, давай сделаем так, – говорю чуть истерично.

Даниил смотрит на меня так странно, что у меня по спине мурашки толпами бегут. Никогда не видела такого его взгляда.

– Как?

– Я просто создам видимость, что не заметила твоего отбытия, а ты – сделаешь вид, что не говорил мне подобных слов. Идёт?

Мой голос дрожит. Срывается с губ хриплыми короткими звуками, в которых мало что можно понять.

– Соф... помоги найти сына.

– Да какого к чёрту сына?!

Не выдержав, я вскакиваю на ноги и, схватив солонку, кидаюсь ею в мужа.

Какого, чёрт бы всё побрал, сына? Откуда? Что за хрень он вообще несёт?

– Моего, Сонь... у меня всё это время семья вторая была.

На мгновение я застываю. Это не может быть правдой. Вот то, что сейчас так спокойно произнёс муж, просто не может быть правдой. Но он начинает говорить – быстро, сбивчиво, как будто боится, что я в любой момент его остановлю и выпру на хрен. Именно это ведь желание сейчас у меня и превалирует.

– Но сейчас всё неважно. Ты же как ведьма иногда – скажешь и всё сбудется. А сейчас Марк пропал. Убежал куда-то и всё. А он ведь маленький такой. Беспомощный. Помоги, Сонь. Любые деньги заплачу.

Всё. Это край. То, что невозможно воспринимать, как нормальность. Даниил перешёл черту. Любые деньги он заплатит! Любые, сука, деньги! А ничего, что мы семья? И бюджет у нас общий?

Господи, какие идиотские мысли, когда твой мужик только что признался, что у него есть вторая семья!

– Уходи, – шепчу из последних сил, желая сейчас лишь того, чтобы Верниковский поднялся и вышел куда подальше. – Уходи!

– Сонь...

Столько всего в этих четырёх буквах, что я сама в шоке.

– УХОДИ!

Я начинаю выпихивать Даню – туда, где прихожая. Прочь из квартиры, подальше с глаз, таких сухих, без слёз, что их печёт изнутри.

– Уходи, уходи, убирайся... убирайся!!!

Я ору и ору, как какая-то долбаная истеричка. Нет времени остановиться, нет желания думать. Так нельзя поступать с теми, кого любишь. Даже если Даня меня просто разыгрывает. Если же нет... это всё. Крах, конец всему... смерть.

Именно это я и ощущаю – желание сдохнуть. Лечь прямо в прихожей, на коврик. Возле двери, которую только что закрыла за мужем. Босым, не успевшим даже надеть обувь.

Рыдание такое неожиданное, вырывается из груди жутким протяжным всхлипом, что я боюсь сама себя.

– Сооооонь! Сонь! Открой!

Даня стучит в дверь, колотит так, что наверняка все соседи уже в курсе нашего скандала. Плевать. Плевать на всё. Мне просто нужно время на то, чтобы сделать вдох. Потому что я уже осознала – Даня не врал. Он действительно всё это время жил на две семьи. И это чудовищное

предательство. Его я вряд ли смогу пережить. Да и хочу ли? Пока у меня нет ответа на этот вопрос.

Он уходит через время – не знаю, сколько прошло. Полчаса, час... всё это время колотит в дверь и умоляет впустить. Потом начинает угрожать, потом снова срывается на мольбы.

А потом всё стихает. Именно этого же я и хотела, не так ли? Стояла, прислонившись к стене, надрывно дышала и желала только тишины. А сейчас это молчание испепеляло. Поэтому я не нашла ничего лучше, как снова набрать номер подруги и прохрипеть в трубку:

– Юль... приезжай. Это срочно.

– Вот же козёл! Ну просто слов нет! У меня всё внутри кипит! – в который раз прошлась по Верниковскому Юлька.

– А у меня уже не кипит. Как будто внутри всё выжжено.

– Понимаю...

Я не знала, что там понимает Юля, да и знать, наверное, не хотела. Но мне нужно было, чтобы рядом находился близкий человек. Просто сидел возле меня, просто говорил – что угодно, неважно.

– Слушай, а чего ты к телефону подойти не хочешь? – спросила подруга, когда на экране сотового в который раз высветилось имя Даниила.

Он названивал и названивал мне, но хотя бы не приехал обратно, чтобы перебудить весь подъезд, и то хлеб.

– Не хочу, Юль. Просто не хочу.

– Ну, по телефону бы ему всё высказала, и при встрече не пришлось бы об него руки марать.

Я невесело хмыкнула и покачала головой. Конечно, нам предстояло ещё множество встреч. Хотя бы для того, чтобы пойти и развестись ко всем чертям.

– Мне просто пауза нужна. Когда смогу в себя прийти, конечно, сто раз с ним увидимся и поговорим.

Я уронила голову на руки. Тяжесть пульсировала в висках. Вроде бы и время уже было не детское, но я знала – если лягу, всё равно не засну.

– Так он сына своего тебя просил спасти?

От этих слов внутри всё снова скрутило от жгучей боли. У Верниковского есть сын. Есть сын! Не от меня!

– Да, хотя, я не знаю, что там с ним случилось.

– Понятно. Ну вот же козёл, а!

Тишина опутала, меня снова накрыло волной, схожей с панической атакой.

– Ляг поспи, Юль, – хрипло предложила я, вскидывая голову.

– А ты?

Подруга зевнула. Было ясно, что она сидит со мной только из солидарности. И что хочет спать, в отличие от некоторых.

– А я приберусь здесь и тоже лягу.

Поднявшись из-за стола, я принялась за уборку, отчаянно делая вид, что готова справиться с тем, что сегодня так внезапно на меня навалилось. На деле же, просто делала отточенные механические движения и не понимала, как справиться с тем ужасным вакуумом, что поселился в душе.

– Пойду подремлю, – шепнула Юля. – И если что – сразу же меня буди.

Она ушла, а я поняла одну простую вещь. Как бы ни старалась – уснуть мне в ближайшее время не удастся. Да и боюсь я спать. Снов этих, в которых вновь буду видеть ребенка, но теперь со знанием, кто именно передо мной. Боюсь. И не хочу.

За окном занялся рассвет, когда я всё же задремала. Села в кресло и провалилась в забытьё. И слава всем святым – в этот раз никаких сновидений не было.

Меня будит какой-то странный звук. То ли скрежет, то ли лязг. Подскакиваю в ужасе и озираюсь. Ко мне на кухню заглядывает перепуганная Юлька. Господи, хоть бы Верниковскому не пришло в голову вызвать спасателей с болгаркой, которые сейчас начнут выпиливать нашу дверь.

– Что это? – шепчет подруга.

– Не знаю, – так же тихо откликаюсь и на цыпочках иду в прихожую.

Осторожно смотрю в глазок. Если вдруг сейчас случился зомбиапокалипсис и к нам царапаются мертвецы – это будет, пожалуй, весьма правильной концовкой для моей жизни. Но в коридоре... ничего не видно. Кто-то просто перекрыл мне обзор и скрежещет о металл двери.

Я не выдерживаю. Быстро открываю дверь и, когда распахиваю её, вижу, как от неё отшатывается муж. В его руке – ключ. Только не от нашей квартиры. Им он и водил по двери туда-обратно.

– Сонь... Сонь, не гони только меня. Помоги, – выдыхает, а в голосе столько мольбы и боли, что у меня внутри всё переворачивается.

Рядом со мной – Юлька. Сложила руки на груди и смотрит на Верниковского так, что даже мне от этого взгляда не по себе.

– Ты ничего не хочешь нам объяснить? – громко требует она ответа.

Моя верная подруга, которая даёт сейчас понять, что я не одна. А я стою напротив Дани, смотрю на его осунувшееся лицо, на глаза, в которых столько отчаяния, что хоть вешайся, и понимаю – я ему помогу. Потому что люблю. А потом – прочь. Из моей жизни, из нашего дома. Прочь...

– Заходи, – выдыхаю шёпотом. – Расскажешь, что от меня требуется.

Юля переводит глаза на меня. Смотрит так, словно я её предала. Фыркает, уходит в квартиру. Наверное, за своими вещами. Но с ней мы всё обговорим позже. Сейчас я уже поняла, что помогу... насколько это возможно. И сделаю то, что хоть как-то может ослабить мою боль – узнаю, чем же так провинилась, что меня настолько болезненно предали.

– Ты ведь не собираешься его выслушивать и прощать? – говорит Юля, когда я провожаю её.

– Выслушать – собираюсь, простить – нет.

Говорю это, а у самой горечь во рту. Такая, как будто цианида прямо в глотку налили.

– Понятно.

Вздыхнув, подруга прижимает меня к себе. Я слышу, как у неё колотится сердце – и моё вторит ему, выворачивает грудную клетку наизнанку.

– Если что – снова звони. Приеду, помогу, просто побуду рядом.

Отстранившись, киваю. И ругаю себя, на чём свет стоит, когда понимаю – от того, что сейчас Даня здесь, в нашей с ним квартире, внутри появляется облегчение. Даже дышать становится легче. Это такой самообман, такое отсутствие гордости, что от самой себя тошно.

– Ну? – спрашиваю, заходя на кухню, а у самой воздуха в лёгких не хватает.

Сколько раз вот так же заходила сюда, в это сердце дома. Готовила что-то вкусное, ставила тарелку перед мужем. Любовалась им исподтишка... Наверное, так все бабы влюблённые делают. Смотрят на сильные руки, на то, какие красиво очерченные скулы у мужика. И просто кайфуют от этого.

А сейчас Даня какой-то... уменьшившийся, что ли. Сжавшийся, будто удара ждёт.

– С чего начать? – хрипит в ответ.

– С начала давай. Умные люди говорят, что это самое правильное. Или могу вопросы позадавать. У меня их много.

Голос дрожит, но мне уже плевать. Даня ведь знает, что я чувствую. Понимает это. Или ему – плевать тоже?

– Задавай, – кивает в ответ.

Смотреть на мужа невозможно. Отворачиваюсь резко, обхватываю плечи руками. Всё, что угодно, лишь бы только не выть в голос, не орать, не бить посуду. Не показывать, насколько мне больно. Хотя, может, и стоило бы метнуть в Верниковского пару сервизов.

– Давно у тебя вторая... семья?

Хочу говорить спокойно, но выходит как-то жалко. Как будто всхлипываю, а не спрашиваю.

– Я не совсем верно выразился, Сонь. Мы не вместе со Светой.

Господи! Дай мне сил, прошу. Это невозможно слушать.

Невозможно понимать, что ещё вчера ты думала, что знаешь всё о своём муже, а сейчас чувствуешь – рядом с тобой незнакомец. От него льдом позвоночник сковывает. От того, какой взгляд чужой и от слов, которые он произносит.

– Как давно родился... ребёнок?

Я ведь знаю, как его зовут. Но кажется – произнесу это имя и назад пути не будет. Хотя – его и так нет.

Марк. Даня сказал, что его зовут Марк.

– Ему шестой год.

Прекрасно. В тот момент, когда я на крыльях летала и считала себя самой счастливой на свете, мой муж спал с другой женщиной, ждал рождения сына и... дождался.

Он всё это делал за моей спиной. За моей, чёрт побери, спиной! Звонил ей, спрашивал, как дела. Ездил к ним.

Стоп, Соня. Стоп! Нельзя так себя изводить. Ты у себя одна. Второй жизни у тебя не будет. Нельзя... нельзя обо всём этом думать!

– Куда он пропал?

– Я не знаю. Что ты видишь в своих снах?

Усмехнувшись, опускаю голову. Возможно, если бы и у меня был ребёнок, я бы поняла сейчас мужа. Осознала, насколько важен именно он, а не то, что я чувствую. Но у меня нет такой возможности.

– Ничего не вижу особенного. Только ребёнка и как он меня зовёт. Я же говорила.

Передёрнув плечами, пытаюсь перестать злиться. Но ни черта не выходит. Рядом со мной – другой Даня, не мой. Мой бы в первую очередь спросил каково мне. Этот же незнакомый мужик уточняет детали моего сна.

– И больше ничего кругом? Соня, пойми, это очень важно...

Я взрываюсь. Подлетаю к Дане, хватаю его за футболку. Дышу так, словно каждая секунда может стать последней. Вижу, что Верниковский в ужасе. Таращится на меня, дышит надсадно. Что, чёрт побери, он сейчас чувствует? Что у него на душе? Как хочется, чтобы муж ощущал хотя бы часть того, что разрывает меня изнутри!

– Тебе это важно? – сипло шепчу, приближая лицо к лицу Даниила. – Тебе важно только это?

Меня сейчас разрывает изнутри толпа демонов. Толпа сраных чужеродных демонов, с которыми столкнулась впервые, а муж расспрашивает меня о чёртовом сне?

– Сонь, нет... нет! Понимаешь? Нет!

Он хватается за запястья, притягивает к себе, понуждает упасть к нему на колени. Вжимается в меня, а сам воеет. Так надсадно, глухо... жутко.

– Я в кошмаре... в кошмаре всё это время.

Господи, как же хочется взвыть в ответ. Взмолиться, чтобы это всё завершилось.

Он в кошмаре... и я это реально чувствую. Только сама в кошмаре меньшем.

– Я больше ничего не вижу.

Эти слова удаётся произнести относительно спокойно. Высвобождаюсь и поднимаюсь на ноги. Вновь отхожу к окну. Взгляд туда, за призрачную преграду, сейчас кажется мне спасительным. Там жизнь, там куда-то спешат люди. Там всё иначе, чем в моей грёбаной судьбе.

– Хочу знать обстоятельства того, как у тебя появилась вторая семья.

Развернувшись к Дане, скрещиваю руки на груди. Знаю, что имею полное право на это знание. Пусть расскажет, почему меня предал.

Муж морщится, но не спорит. Не начинает вновь меня заверять, что это никакая не семья, и что всё это случайно вышло.

– Мы поссорились тогда. Крупно. Я уехал, ты помнить должна.

Конечно, я помню. Когда влюблена до чёртиков, любая ссора – как выжженное на коже клеймо.

– Летом? – уточняю хрипло.

– Да... в самом начале.

Это и вправду была одна из самых крупных наших спор. Она приходит на ум первой, когда сопоставляю возраст ребёнка, прибавив к нему девять месяцев. Только это ни черта не оправдывает Даниила.

– Дальше...

– В Красносельское за вискарём смотался. Выпил. Сам за руль. Помнишь же, что в Питер поехал? – Киваю, а у самой тот вечер перед глазами проносится. Я ведь уверена была, что он к матери своей отправился, о чём назавтра и сказал. – Я девку на дороге подобрал. Как всё закрутилось, не помню уже.

Он так и сказал – девку. Разве не видел сейчас, как мне каждое его слово под кожу впи-вается? Разве не ощущал?

– Закрутилось? Надолго?

Не понимаю, как мне эти слова из себя выдавить удаётся. Но мне важно это знать. Почему – сама осознать не могу.

– Нет. Разово. Я и секс тот толком не помню.

Господи, как же больно. Даже сейчас, зная, что всё случилось годы назад – как же отвратно.

– Дальше...

– Потом она меня нашла.

– Телефон ей свой оставил? – выходит насмешливо.

Особенно от того, что начинаю продумывать – если бы эта самая Света не залетела, рас-сказал бы мне обо всём Даня? Конечно, нет. Нет, дура! Он и сейчас тебе сообщает всё только потому, что его сын пропал. Его, не ваш. Не тот, которого ты ему родить хотела.

– По номерам машины узнала, – глухо отвечает Даня.

И я не выдерживаю – раздражаюсь неистовым хохотом. Какая же продуманная барышня, ну надо же.

– А то, что пацан твой – ты, я надеюсь, узнал? Ну, так, на всякий случай.

Ядовитые слова и самой мне кажутся мерзкими. И внутри вдруг неправильное рождается – росток маленький, но крепкий, особенно когда вспоминаю, как малыш этот ко мне ручки тянет и пытается позвать.

Так быть не должно. Это не мой сын. Не мои плоть и кровь. У него мать имеется, а мне бы, по-хорошему, вообще всё это к чёрту послать.

– Узнал. Тест сдал. Он мой.

Всё. Этого мне более чем достаточно. Уже не так важен сам факт измены, как тот факт, что всё это время Верниковский жил второй жизнью. Даже мыслить не хочу о том, что он делал, куда ездил, с кем созванивался и о чём думал.

– Хорошо, я всё поняла.

Сделав глубокий вдох, я направляюсь к выходу из квартиры. По-хорошему, именно Верниковскому здесь не место, но я сейчас чувствую, что готова сбежать. Просто выйти в никуда и пойти, ни о чём не думая.

– Так ты сможешь? – говорит Даня, оказываясь рядом через четверть минуты, кажущейся мне мгновением.

– Ничем помочь не смогу. Я не ведьма, Дань, – разворачиваюсь к мужу с горькими словами на губах. – Даже жаль, что не ведьма. Прокляла бы тебя навечно.

В глазах Верниковского вновь столько боли, что мне, может быть, стало бы жутко, но у меня самой внутри – выжженная пустыня. Как бы нелепо ни произошла эта измена, которую он обрисовал, – она имеет место быть. И её последствия – в первую очередь. А может, он вообще мне соврал, и всё это время жил на два дома. Сейчас это уже не проверить, наверное, да и не хочу я этого.

– Значит, не спасёшь его? – выдыхает Верниковский снова.

Неужели и впрямь верит в то, что я могу предпринять хоть что-то? Неужели настолько в отчаянии?

– Да не могу я его спасти! Не могу, пойми! В МЧС позвони, волонтеров собери, с девкой своей его ищите. А сейчас убирайся!

– Я уже всё сделал. Два дня его нет. И никто ничего не знает. Ищут, но...

– А мне плевать, – вру я. – Убирайся!

Выставив руку, я указываю мужу, куда ему стоит идти. И он уходит. Недолго размышляет, глядя на меня, но уходит.

И именно в этот момент я понимаю – это конец. Всё завершено. У нашей семейной жизни – финал. Вот только как с этим жить и продолжать дышать – я пока не знаю. И смогу ли узнать?

Не представляю.

– Ты выглядишь ужасно, – говорит моя напарница Вика, когда я выхожу на работу в визовый центр.

– Знаю, – пожимаю плечами. – Со сном проблемы.

Я ей не вру. С тех пор, как Даня про сына рассказал – спать толком не могу. Или скорее не хочу. Но это не может так продолжаться – я себя изведу окончательно, если не стану восполнять нормальные требования своего организма. Например, есть нормально. С этим, кстати, тоже проблемы.

– Может, Корвалольчику попить? – озадачивается Вика.

Я фыркаю. Корвалольчику. Тут и спирт медицинский не поможет. Перорально.

– Может, – пожимаю плечами и ненадолго отвлекаюсь, когда передо мной устраиваются сразу два клиента.

Желание лечь и уснуть прямо здесь и сейчас накатывает ближе к обеденному перерыву. Мне оно даже нравится – кажется, наконец-то меня просто «вырубят», и я смогу отдохнуть безо всяких сновидений.

– Вик, я в подсобку отойду. Поем чего-нибудь, – выдавливаю еле-еле.

– Конечно, сорок минут у тебя уж точно есть.

В подсобке притуливаюсь к стене на старом стуле. Всё руки никак не доходили его выбросить, и вот он пригодился. Закрываю глаза и тут же проваливаюсь в сон.

Меня всегда удивляло, как человек может за какие-то краткие минуты увидеть во сне столько много. Иногда – целые истории. Сновидение всё же приходит – яркое и такое светлое, что зажмуриться хочется. Дом, как будто деревенский и наличники на окнах с резьбой. Старые, уже обветшалые, но это придаёт им свой шарм.

Вокруг меня лето – настоящее, наполненное преддверием чего-то нового и чудесного. Словно волшебство кругом, и я его впитываю в себя каждой клеточкой тела.

Он замолкает, а мне хочется положить трубку. Но почему я этого не делаю? Наверное, оттого, что знаю – Даня приедет, как и обещал. Значит у меня снова будет повод для адовых мук. Или мне просто нужно сбежать из собственного дома за эти полчаса.

– Прости, Сонь... прости. Я сам не знаю, что делать.

Ну почему бабское сердце такое глупое? Почему я вообще продолжаю этот разговор?

– Где они живут? – спрашиваю вместо того, чтобы попрощаться и положить трубку.

– В Первомайском.

– Значит, дом там этот и ищи.

Он хмыкает в ответ. Невесело и словно бы... смиренно. Как будто уже принял тот факт, что сын не найдётся.

– Сама же знаешь, сколько домов там... с резными наличниками.

Между нами снова повисает тишина. Тягучая и плотная, похожая на чёрный мазут. Я не понимаю, что мне делать дальше. Ехать сейчас с Даней туда – это как собственными руками повернуть нож, загнанный мне в грудь. Увидеть эту самую Свету, ребёнка мужа... Но и не помочь я не могу. Просто не могу, и всё тут. Изведу себя после.

– Я поеду. Если смогу помочь – буду рада. Но хочу, чтобы ты избавил меня от того, чтобы я встретила с твоей Светой, – наконец, выдавливаю из себя.

– Она не моя Света, – тихо откликается муж.

– С твоей девкой, да, извини, – не сдерживаюсь я.

Он ничего не отвечает, и я уже рассчитываю на то, что Верниковский просто поблагодарит меня и отключит связь, когда слышу его короткое:

– Обещаю. Не встретишься. Скоро буду.

И на этом наша беседа обрывается.

Когда сажусь в машину мужа – это снова своего рода триггер. Ведь несколько дней назад точно так же устраивалась рядом, ничего не зная. Ждала поездки на дачу, предвкушала. А теперь, как смею надеяться, еду с Даней вот так в последний раз.

Только горько от этого становится. Невыносимо. И страшно – что там, впереди.

– Всё в порядке? – тихо спрашивает он, вырубивая на Выборгское шоссе.

– Я же сказала – всё прекрасно.

В салоне тихо играет музыка и витает запах – такой родной, узнаваемый. Въевшийся под кожу. Мой...

Нет, уже не мой. И жизнь наша семейная уже мне не принадлежит, потому что закончилась.

– Скажи, твой... сын, – тяжело сглатываю, но хочу разузнать то, что меня тревожит, – он нормально ведь развивается?

Даня останавливается на светофоре и смотрит на меня с непониманием.

– Да, насколько я знаю. А что?

– Да просто...

Сама не совсем понимаю, почему вдруг стала об этом спрашивать. Не касается оно меня вовсе. Я сегодня поучаствую в процессе поисков, надеясь, что они увенчаются успехом, а дальше – всё.

– Просто он во сне как будто сказать не может моё имя. Только тянет «Соооо, Соооо»... а больше ничего.

Верниковский хмурится, я же впииваюсь в его профиль взглядом. Это не только потребность узнать что-то о ребёнке, отношения к которому не имею. Это ещё и повод впитать в себя вот эти самые последние мгновения, когда смотрю на лицо мужа.

Потом ведь я его забуду. Мы перестанем видеться, перестанем быть друг для друга значимыми людьми. У него будет другая, у меня – другой. И сейчас вроде как это кажется таким правильным, но... Но в данную конкретную секунду Даня всё ещё рядом. Я не могу вот так

просто вырвать любовь к нему из своего сердца, хотя должна. Так стоит ли распинать себя за то, что просто сижу и как дура смотрю на его профиль?

– Марк нормально развивается. Иногда мне кажется, что даже слишком.

Он горько усмехается, снимает одну руку с руля и, заведя за голову, растирает затылок.

А потом произносит то, что пригвозждает меня к месту.

– Порой чудится, что вы с ним похожи. Он что-то скажет и это сбывается.

– СТОП!

Я выкрикиваю это слово внезапно даже для самой себя. Начинаю судорожно отстёгивать ремень, дёргаю ручку дверцы, которая, слава всем богам, заперта.

– Стой, Верниковский! Иначе я за себя не ручаюсь.

Даня жмёт по тормозам и останавливается на обочине. Смотрит на меня расширившимися глазами.

– Прости... прости, – шепчет сбивчиво. – Я не подумал...

Всё же совладав с ручкой, я буквально вываливаюсь из машины и начинаю делать жадные глотки воздуха ртом.

Муж оказывается рядом во мгновение ока. На его лице – тревога, оторопь, сожаление.

– Больше никаких рассказов... хорошо? – хрипло прошу я.

Да, я сама была инициатором, но не просчитала того, куда может свернуть этот разговор. И совсем не готова смириться с тем, что подробности параллельной жизни мужа могут всплывать и всплывать. И не готова буду к смирению в этом плане.

– Прости. Больше ни слова не скажу. Обещаю.

Смотрю на лицо Верниковского, на нём тревога – только понять не могу, за меня, или за нажитого на стороне сына. Да и важно ли это?

– Хорошо.

Я вновь устраиваюсь в машине и впииваюсь пальцами в телефон. Думает ли Даня о том, что будет после того, как Марк вернётся к нему? Размышляет ли над деталями нашего развода? Я не знаю, да и сейчас спросить об этом – равносильно добровольному погружению в тот ад, в котором и так нахожусь с головой. Поэтому весь следующий путь мы проделываем в молчании.

Даниил просто садится на место водителя, быстро бросает на меня взгляд и едет дальше. И хоть мелкая дрожь от того, что совсем скоро мы доберёмся до Первомайского и мне придётся лицом к лицу встретиться с тем, к чему я совсем не готова, охватывает моё тело, я знаю одно. Добровольно взошла на этот эшафот, стоя на котором сама себе кажусь такой уязвимой, будто разделась на глазах у толпы. И самой мне с этим бороться. Никто за меня этого не сделает.

– Давай так сделаем... будем медленно проезжать по улицам, а ты смотри кругом, хорошо? – говорит Даниил, когда мы оказываемся в посёлке.

Едва въезжаем в него, я выдыхаю. Нафантазировала себе бог знает что. Оцепление, отряды волонтеров, даже толпу папарацци. На деле же – ничего такого. Первомайское, на первый взгляд, живёт обычной для него жизнью. Люди идут по улицам, магазины открыты. Никакого апокалипсиса местного масштаба.

– Хорошо, – глухо откликаюсь, начиная вертеть головой.

А у самой страх внутри поселяется. Если вдруг увижу на одной из улиц эту его Свету? Я ведь её узнаю, потому что представляла себе сто тысяч раз. Не хотела подобного, ругалась на саму себя, но представляла...

Она – маленькая и стройная шатенка. Мило улыбается каждому, кто встречается на её пути. Волосы длинные, и она постоянно закидывает их за спину. Такие всегда нравились Даниилу.

– Пока ничего? – спрашивает Верниковский, вырывая меня из плена мыслей.

Только теперь понимаю. Я на чистом автомате еду и кручу головой, выглядывая «те самые» резные наличники.

- Ничего, – откликаюсь глухо.
- Ладно, – кивает муж.
- Мармеладно, – бурчу в ответ.

Теперь меня начинает донимать вопрос нашего развода. Нет, я прекрасно понимаю, что в данный конкретный момент я сама вызвалась помочь, но и хочу получить хоть какое-то подтверждение тому, что для Дани я тоже важна. Пусть даже и в том, чтобы он выказал желание обсудить детали нашего расставания.

– Даааань, – тяну я, и Верниковский останавливает машину.

– Что? – выдыхает, впиваясь в моё лицо взглядом, и я уже готова сказать ему про развод, когда поднимаю глаза и вижу... тот самый дом.

Он же из моего сна. От и до. И вечер этот летний, и даже запах, который уже чувствую, хотя даже не всходила на крыльцо. Да и крыльца толком не вижу, но шепчу растерянно:

– Кажется, это здесь...

– Идём? – поворачивается ко мне Верниковский.

На это я отрицательно мотаю головой. Ну уж нет. Дом показала, на этом – всё.

– Ты иди. Один. Я просто выйду и прогуляюсь.

– Хорошо, – после некоторой паузы отвечает муж. – Если Марк здесь, я... волонтерам его отдам, а тебя до дома докину.

Чёрт! Об этом я как-то не подумала. Хочется сбежать прямо сейчас. Вспомнить бы только какие маршрутки из Первомайки ходят до Питера.

– Окей, – киваю в ответ, мысленно просчитывая план побега.

Мы выходим из машины, Дания направляется к выдавшему виды забору. Я же отступаю и озираюсь, как пойманное в ловушку животное.

Этот дом стоит на возвышенности – бросаю взгляд туда, где центр посёлка. Возле магазинов вижу какое-то движение. Машина то ли с надписью полиция, то ли что. Где-то там, кажется, должна быть остановка.

Но ноги почему-то словно вросли в землю. Наверное, мне просто нужно убедиться в том, что Верниковский всё же найдёт сына. Что я смогла им помочь.

Словно в полусне, иду к раскрытым воротам. Не могу объяснить себе, какая магнетическая сила притягивает меня, просто двигаюсь вперёд. Туда, на крыльцо, как во сне. Здесь, конечно, всё другое, но... Но ощущения, как из моего сновидения. Господи, как странно...

Я толкаю дверь, мне навстречу уже спешит старушка. Нет, тоже не та самая, какую я видела, но понимаю, что это она. И чувствую – Марк действительно здесь.

– Вы за мальчиком? Как хорошо. Он, бедный, извёлся весь. Всё папу ждал и о тёте какой-то говорил. И домой сказал, что возвращаться не хочет. Плохо ему там. А я что? Я ему и пирожков напекла, и крокворды мы с ним гадали.

Она так и сказала – крокворды, отчего у меня изо рта вырвался нервный смешок. Значит, Марк нашёлся... и на этом моя миссия вроде как завершена. Так почему стою сейчас перед покосившейся деревянной дверью, знаю, что за ней мой муж и его сын, и не бегу отсюда сломя голову?

– Заходи, доченька. Заходи. Там они.

Старушка открывает дверь, а я ведь как будто не в реальности. Словно в один из снов своих попала и покидать его не хочу.

– Заходи, там твой сынок.

– Он мне не сын, – шепчу, а сама на голоса иду.

Знаю ведь, что больно будет, когда увижу, как Дания к себе не моего ребёнка прижимает, но, наверное, это мне нужно, чтобы точку во всём поставить.

Они сидят на диване, Марк на коленях у отца. Обхватил Верниковского за плечо, что-то рассказывает ему. Когда захожу, Дания голову вскидывает и смотрит на меня затравленным

взглядом. А у самого в глазах стоят слёзы. И мне тоже плакать хочется. Потому что я только сейчас чувствую, что всему конец. Да, думала об этом и раньше, но именно осознание пришло сейчас.

– А я эту тётю знаю. Во сне её видел, – говорит Марк, улыбаясь мне так, как это могут делать только дети. Открыто и искренне. – Здравствуйте, я Марк. Папа сказал, что всегда нужно так знакомиться. А вас как зовут?

Всё. На этом точно всё. Разворачиваюсь и выбегаю из дома. Моя миссия выполнена. Я больше ничего не должна прежде всего самой себе. И обязана наконец почувствовать облегчение, как мне кажется, но его нет. Возможно, оно придёт позже, я этого не знаю... Просто бегу от мужа, от того, что он сотворил. И от самой себя, которая так остро воспринимает всё происходящее.

Даня перехватывает меня через несколько секунд. Впивается в руку, разворачивает лицом к себе.

– Соня... – шепчет он, а я, развернувшись, испытываю только желание впиться ему в лицо. Расцарапать, причинить боль, сделать хоть что-то, чтобы он встряхнулся и понял, какие страдания причиняет мне.

– Я сделала всё, что ты просил. Теперь оставь меня в покое.

– Нет! Нет, я ещё не искупил свою вину.

Он не искупил вину! Да её попросту невозможно искупить, как он этого не понимает? Невозможно! Это я поняла сейчас совершенно точно.

Запрокинув голову, я начинаю смеяться. Нет, даже не смеяться – ржать. Именно это слово как нельзя кстати подходит тому, что со мной сейчас происходит.

Верниковский смотрит на меня, понутив голову. И этот взгляд исподлбья вызывает ещё более громкий и раскатистый приступ смеха.

– Всё, Дань. Я хочу уехать. На этом у нас всё закончено.

Выпростав руку из захвата его пальцев, я отступаю на пару шагов.

– Я отвезу тебя домой. Скажу всем, что Марк нашёлся – и отвезу.

Верниковский говорит это так уверенно, как делал всё это время по отношению ко мне. Только вот теперь всё иначе, и очень странно, что он этого не понимает.

– Хорошо, – отвечаю, уже зная, что сделаю, стоит ему только пропасть из поля моего зрения.

– Точно хорошо? – уточняет он.

– Точно.

– Сонь... я очень тебе благодарен. Сделаю всё, что скажешь. Спасибо тебе, но мы с тобой ещё не завершили наш разговор.

Сделает он всё. Да уже сделал, да так, что теперь вовек это дерьмо не разгрести. Но сейчас у меня нет сил на то, чтобы это обсуждать. Да и впредь явно не появится.

– Окей. Ребёнок найден – это главное, – киваю я с кривой улыбкой на губах.

Даня смотрит в ответ, а у меня зуд под кожей. Как же хочется просто взять и исчезнуть. Раствориться, чтобы только не находиться в этом месте.

Но вот рот мужа растягивается в улыбке и он кивает.

– Да, я сейчас. Я мигом.

И он разворачивается и уходит быстрым шагом.

Всего мгновение – и я мчусь туда, где видела машину спецслужб. Побег кажется мне длинным – едва ли не вмещаая в себя целую вечность. И всё чудится, что меня догонит муж, схватит за руку, утащит туда, где я совсем не хочу сейчас быть.

– Отвезите меня в город, – шепчу, едва ли не задыхаясь от быстрого бега, нагло распахнув дверцу и плюхнувшись на пассажирское сидение рядом с водителем. – Пожалуйста.

И только тогда перевожу взгляд на того, кто сидит за рулём.

– Без проблем, – хмыкнув говорит он, после чего выбрасывает окурок в окно, заводит двигатель и увозит меня из того места, которое стало в этот день моим личным адом.

– Я Софья, – представляюсь, когда мы выезжаем на трассу «Скандинавия».

– Александр, – кивает он в ответ. – От кого бежите?

Он усмехается, и я с облегчением выдыхаю. Находиться рядом с ним... спокойно. Как будто оказалась там, где в итоге и должна быть.

– Не бегу. Просто мне в город нужно, – безбожно вру, но этот незнакомец не должен заподозрить ничего такого.

Он бросает взгляд в боковое зеркало, и мне становится не по себе. Быстро оборачиваюсь, чтобы посмотреть через плечо, что творится сзади.

– А говорите, не бежите.

– Не бегу, я же сказала.

– Ладно, ладно... не против, если снова закурю?

Александр кивает на пачку сигарет, лежащую на торпеде. Я мотаю головой.

– Конечно, не против. Это же я вторглась в вашу машину, а не наоборот.

– С этим не поспоришь, – улыбается он. – Но не спросить не мог.

Чёрт побери, Верниковская, что ты творишь? Села в тачку к абсолютно незнакомому мужику, пусть это трижды представитель спецслужб. А теперь тебя везут... кажется, в город. По крайней мере, вроде бы туда, куда ты сказала.

Александр закуривает и я исподтишка его рассматриваю. Он не обладает чертами внешности красавчика. В любой другой момент показался бы мне скорее отталкивающим, чем притягательным. Губы, сжатые в тонкую полоску, обхватывают сигарету и выпускают сизый дым. Глаза с прищуром, а волосы... они едва ли не касаются плеч. И такие... небрежные, что ли? Ловлю себя на мысли о том, что мне хочется их поправить.

– Так куда едем? – спрашивает Александр, докурив сигарету и вновь выбросив окурок в окно.

– В город, – с непониманием произношу я.

– Это я понял. Адрес скажешь?

Он так легко переходит на ты, что это не вызывает ни капли возмущения. Как будто мы с ним всю жизнь вот так вот ехали в машине и болтали ни о чём, или же просто молчали.

– Николая Рубцова, дом двенадцать, квартира тридцать шесть.

Александр снова усмехается. А я понимаю, что только что сморозила глупость.

– Вы тоже из волонтеров? – спрашиваю, чтобы чем-то заместить тишину, которая повисает между нами.

Она мне не нравится. Не нравится сидеть вот так, смотреть на профиль незнакомца и дрожать всем телом. Особенно от того, что телефон разрывается вибрацией от входящих звонков.

– Нет, – мотает он головой. – Но что-то близкое к этому.

– А как на поисках оказались?

Я выдавливаю из себя эти слова, а сама понимаю – он вообще может не иметь отношения к поискам Марка. Выходит, я вообще ошиблась со всем.

– Всегда приезжаю, когда вижу, как в группе по поиску клич кидают. Рад, что пацана нашли. А ты – из волонтеров?

– Нет.

Отворачиваюсь и смотрю в окно, за которым пролетает обычный для летнего дня пейзаж. Александр больше ни о чём не спрашивает, и я ему благодарна. Не хочу говорить. Вообще ни о чём.

Надеюсь только на то, что доберусь до города целой и невредимой, но, кажется, переживать об этом повода нет. Мы вправду едем в Питер, и чем скорее я окажусь дома, тем больше

шансов у меня на то, чтобы со скоростью света покидать в сумку всё, что попадётся под руку и сбежать к Юльке. Потому что Верниковский будет меня искать. Наверняка.

– Не против, если на пару минут остановимся? Я воды на роднике наберу? – спрашивает Саша, чуть сбрасывая скорость. – Это ненадолго, – заметив мой взгляд, метнувшийся на часы, добавляет поспешно.

– Совсем не против. Считайте, что меня с вами нет.

Покачивая головой, он притормаживает у родника. Выходит из машины, и я инстинктивно распахиваю дверцу. Хочется вдохнуть кислород полной грудью в безуспешной попытке напитаться уверенностью, что я всё ещё жива.

– Кто крайний? – спрашивает у нескольких человек в очереди Александр.

– Я! – откликается совсем молоденькая девчонка. – И что за слово такое – «крайний»? – фыркает тихо, но так, что её слышу даже я. – Можно же сказать «последний». Небо от этого на голову не рухнет. Да и вообще так правильно!

Она говорит это своему парню, но явственно желает, чтобы это услышал именно Саша.

– Ты права, малая, – хмыкнув, соглашается тот. – Только у нас, спасателей, приметы свои есть. Ты же не против, если будем суеверными?

Он смотрит на неё. Без злости какой-то, просто устало. И она опускает глаза, потупляет взгляд.

– Если вам только одну баклаху набрать, так мы уступим, да? – выступает кто-то в очереди.

– Только одну, – кивает Саша. – Но я и подождать могу.

– Нет, давайте.

Они расступаются, и Александр быстро набирает пятилитровую бутылку воды. Благодарит всех, после чего возвращается к машине и мы уезжаем.

«Значит, спасатель», – вертятся в голове мысли. Сама не знаю, почему обратила на это внимание. Вроде как сейчас он просто докинет меня до дома и на этом всё, но я раз за разом ловлю себя на том, что бросаю на Сашу быстрые взгляды. Изучаю его исподволь, и быстро отворачиваюсь, когда кажется, что он поймаёт меня на месте преступления.

– Приехали. До квартиры провожать не стану, ничего?

Саша улыбается, и я киваю. На губах тоже появляется улыбка, которая гаснет, когда слышу:

– О, Верниковский здесь.

Чёрт! Моя взгляд мечется по двору, что не укрывается от внимания Александра. Когда нахожу глазами припаркованную чуть поодаль машину, возле которой стоит муж, вжимаюсь в кресло. И хочется попросить увезти меня куда угодно, но Саша уже берётся за ручку дверцы. Да и глупо это – бегать. Всю жизнь ведь не побегаешь.

– Ты от него что ли уехала?

– Это мой муж.

– О... так значит, вашего пацана искали? Как же он сбежал? Не досмотрела?

В голосе Александра появляются стальные нотки. А у меня внутри – злость.

– Не моего пацана. Сын у мужа... от другой.

Выходит насмешливо-болезненно. Не знаю, зачем эта информация нужна Саше, но меня распирает. И мне нравится то, что чувствую – сейчас уже готова просто выйти и расставить все точки над «i» с Верниковским.

– Спасибо. Я пойду, – говорю уверенно, после чего покидаю машину и направляюсь в сторону дома.

Саша уезжает. Я даже не вижу это – слышу. Он так и не выходит к Верниковскому. Просто движок его машины ревёт, после чего этот звук отдаляется.

– И откуда ты знаешь Дарьялова? – требует ответа муж, когда я равняюсь с ним.

Набираю в грудь воздуха и устало выдыхаю ртом.

– Верниковский, если бы ты знал, как я от тебя устала, – качаю головой.

Пройдя мимо мужа, иду к подъезду, но каждой клеточкой тела чувствую – Даня так просто от меня не отстанет. Он подтверждает это подозрение почти сразу. Догоняет, чеканит шаг рядом со мной.

– Так откуда знаешь Дарьялова? – повторяет свой вопрос.

– Какого, ко всем чертям, Дарьялова? – не выдерживая, разворачиваюсь лицом к мужу.

Господи! Как же я ненавижу его в этот самый момент! За всё, что он с нами сделал... за всё, что сотворил со мной. И за то, что до сих пор маячит рядом, как будто свершившееся можно исправить. Он ведь в этом уверен. Недаром сказал мне это буквально час назад.

– Значит, не знаешь? – выдыхает он. – Тебя подвёз... незнакомый тебе мужик? Соня, ты в своём уме?

Он подаётся ко мне. Хватает за предплечье. Ещё несколько дней назад я была бы в восторге от такого проявления заботы, сейчас же пытаюсь в ужасе отпрянуть.

– Ты о Саше, что ли?

Саша. Александр Дарьялов. Спасатель. Боже, почему же сейчас мне кажется, что я бы предпочла остаться с ним в его машине? Смотреть на то, как он курит, как уверенно сжимает пальцами руль... Хочу быть рядом с ним, а не со своим мужем, предавшим меня, себя и нашу семью.

Верниковская, ты просто сошла с ума. Вот и всё.

– Ах, Саша, – хмыкает муж.

– Да, представь себе, он назвал своё имя. Так делают культурные люди. Не знал?

В памяти сразу Марк всплывает. «Папа учил меня, что так нужно знакомиться». Господи, кажется бы всё отдала, чтобы это наш сын на руках Даниила в тот момент сидел и говорил эти слова.

– Я хочу всё обсудить, – тихо говорит муж, стоит мне только высвободиться и направиться в сторону подъезда.

– А нечего обсуждать, Верниковский, – откликаюсь я. – Нечего. Я уже сказала, что дико от тебя устала. Марк твой найден – на этом всё.

– Я тебя не отпущу.

Что? Я не ослышалась? Он меня... не отпустит? Брови помимо воли взлетают вверх. Поворачиваюсь к Дане и смотрю на него с удивлением.

– Ты меня не отпустишь? А что сделаешь? Привяжешь к батарее? – смеюсь коротко и зло. – Или, подожди-ка... дай подумать. Может, у нас с тобой есть общее что-то? Ребёнок там, квартира, на худой конец?

– Сонь...

– Хватит. Я хочу побыть одна. Что ты хотел от меня – выполнила? Выполнила. Теперь, будь добр, свали в туман, Верниковский. Обстоятельства развода обсудим позже.

Уже почти добираюсь до подъезда, когда слышу позади себя тихое:

– Я очень виноват перед тобой, Соня. И я это знаю. Просто мысли до этого все Марк затмил. А он убежал потому, что плохо ему. Я бы всё отдал, чтобы он нашим сыном был. Твоим и моим.

Застыв на крыльце, я закрываю глаза и пытаюсь досчитать до пяти. Что он от меня хочет? Почему продолжает мучить? Уверен в том, что всё можно исправить этими его признаниями?

– А нет у нас сына, Верниковский. – Развернувшись, цежу эти слова сквозь зубы. – Нет, как ты помнишь. Ведь ты его на потом оставлял. И не будет. Никогда. Я бы тоже всё отдала, чтобы тебе ребёнка родить. Но это в прошлом. Сейчас ты для меня – чужой. Даже не думала, что родной человек таковым может стать за считанные секунды.

Приложив ключ к домофону, отпираю дверь и быстро скрываюсь за её преградой. Когда еду в лифте, размышляю о том, почему, например, до сих пор не придуман какой-нибудь виртуальный развод. Хотя, надо будет погуглить об этом хоть что-то, ведь я напрочь не интересовалась данной темой. Всё казалось, что она меня не коснётся... и вот теперь...

Спрятавшись дома, я запираю дверь на все замки. Теперь снаружи ко мне не попадут. Но всё же знаю – я опрометчиво решила, что хочу быть одна. И отдаю себе отчёт в том, кому позвоню, как только у меня будет уверенность, что Верниковский отбыл и не станет ломиться в нашу квартиру.

– Мда, Сонь, вот это история. Ужас! – Юлька растирает лицо и смотрит на меня так, будто я только что рассказала ей главу из фэнтези-романа.

– Сама в ужасе. – Опускаю голову на сложенные на столе руки и повторяю: – Ты не представляешь, в каком я ужасе.

Мы молчим. Я думаю о том, как же хорошо, что всё же за десять лет брака я не родила ребёнка мужу. Не представляю, что сейчас бы он чувствовал, и как бы стала объяснять ему, почему мы с папой разводимся.

И вообще, почему я так уверена была, что наш брак с Верниковским идеален? Наверное, слишком рано он меня себе забрал. Именно себе – я ведь считала с восемнадцати лет, что он центр всего. Теперь же мне очень многое нужно переосмыслить. Передумать. Перекроить.

– А Свету эту его не видела? – спрашивает Юлька.

Тут же отрицательно мотаю головой.

– Нет, и видеть не хочу. Ещё не хватало на неё нервы тратить.

– Это верно. Ну вообще, какая же он скотина. У меня просто цензурных выражений нет!

Юлька хватается бутылку мартини, которую принесла с собой. Льёт нам по щедрой порции. Я совсем не против – хочется забыться. Затуманить свой мозг хоть чем-то помимо мыслей о том, как докатилась до жизни такой.

– А родители его? Вроде же у вас отношения прекрасные. Ты с ними не говорила? – спрашивает Юля после того, как мы опустошаем бокалы.

– Нет, конечно. Это его дело – сообщить им радостную весть о внуке и о новой... жене.

– Если они ничего не знали до этого, – мрачно комментирует подруга.

Я застываю, так и не донеся стакан до столика. Об этом я, чёрт бы всё побрал, не подумала...

– Если они знали и не говорили – я не переживу.

Я и вправду это не перенесу. С Викторией Павловной у меня отношения, пожалуй, даже лучше, чем с моей матерью. Нет, она не могла знать. Сколько раз намекала, что ей хочется увидеть внуков... И если всё это время она не только знала о Марке, но ещё с ним и встречалась...

Поставив стакан на столик, я кошусь на телефон. Дурман в голове затмевает всё, кроме одной мысли – позвонить свекрови и спросить у неё напрямую.

– Тебе вообще во всей этой истории нужно разобраться. Для себя самой – в первую очередь. Всё понять.

– А что тут понимать? – вскинув взгляд на Юльку, хмыкаю я. – Он переспал с первой встречной после ссоры. Уже этого я бы не простила. А если бы простила – сама бы себя и извела. Но он ещё и скрывал ребёнка. Ребёнка, понимаешь? Шесть лет он знал о нём, ездил к нему, звонил. Жил второй жизнью.

Отмахиваюсь, не желая продолжать. Чувствую на кончике языка такую горечь, которую не перебить ничем.

– Я понимаю. – Юлька опускает голову и вздыхает. – Насколько могу – понимаю. Правда.

Беру телефон в руки и верчу его в пальцах. От бывшего – почему-то хочется сейчас думать о Верниковском именно так – никаких новостей. Но это и ожидаемо, наверное. Сейчас

он с сыном. Пытается восполнить те пробелы, которые так или иначе появились в их общении с Марком.

– Знаешь, наверное сейчас свекрови позвоню.

Я едва успеваю произнести эти слова, как сотовый разрывается мелодией входящего звонка. И я с удивлением смотрю на Юльку.

– Виктория Павловна, – растерянно объявляю подруге, после чего решительно отвечаю на звонок.

Свекровь приезжает на следующее утро. Эту ночь почти не сплю, благо Юлька рядом, иначе бы я просто свела с ума сама себя. Она тихо дремлет, я же просто сижу, уставившись в одну точку.

Виктория Павловна сказала, что все знает, но это не телефонный разговор. Сил на то, чтобы спросить, как давно она в курсе, у меня не было. Наверное, зря. Впрочем, этот разговор так или иначе состоится, и он действительно не телефонный.

– Ты не одна? – тихо говорит свекровь, когда встречаю её в прихожей.

– Юля у меня. Спит. Заходите.

Виктория Павловна поджимает губы, смотрит на меня так, что мгновенно читаю её мысли. В них – в основном тревога. Надеюсь, за меня, а не за то, приму ли я назад её сына или нет.

– Ой, доченька. Что же это случилось-то? – шепчет свекровь дрожащим голосом.

– Идёмте на кухню, там поговорим.

Она устраивается за столом, терпеливо ждёт кофе, который я начинаю готовить. А мысли у меня в голове – такие полярные, что хоть стреляйся. От желания закрыться, не заводит разговор, чтобы не узнать тех подробностей, которые нанесут мне лишь новые раны, до потребности бросить кофе к чертям и потребовать у свекрови ответов на все мучившие меня вопросы.

– Вы знали о ребёнке? – спрашиваю, садясь напротив Виктории Павловны и поставив перед ней чашку с ароматным напитком.

– Нет! Нет, ты что... Дания вчера позвонил... и всё рассказал.

Облегчение накатывает волной. Верю свекрови безоговорочно. Хотя бы с этой стороны – никакого предательства.

– А Алексей Дмитриевич?

Виктория Павловна потупляет взгляд. У меня всё внутри холодеет. Свекор знал! Знал и всё это время смотрел мне в глаза, поддерживал разговоры о внуках... будучи осведомлённым, что этот самый внук уже есть? Они встречались по выходным? Дания обещал когда-нибудь рассказать и матери эту сакральную тайну? Просил молчать отца?

– Я ему уже устроила! Знаешь, какой у нас ночью скандал был?

Виктория Павловна закрывает лицо руками и качает головой. Вспомнить бы, есть ли дома корвалол, или сразу браться за коньяк...

– Что вам рассказал Даниил? – переключаю и своё, и свекровино внимание на то, что отвлечёт от ужасающих мыслей.

– Сказал, что ребёнок случайно получился. Но что бросать он его не станет. Что тебя терять не хочет, будет пытаться всё исправить.

– А вы что ответили?

– Что ты не простишь. Я же тебя знаю.

– Поддерживаете в этом?

Свекровь смотрит в ответ устало. Теперь замечаю, какие тени пролегли у неё под глазами. И полное отсутствие косметики на лице, что она всегда считала для себя неприемлемым. Значит, не только у меня была бессонная ночь.

– Я поддержу тебя в любом решении. Но мне так жаль, что Дания поступил с тобой по-свински. Как он вообще мог, я не понимаю.

– Говорит, пьяный был, – пожала в ответ плечами.

Со всех сторон накатила усталость. Такая удушающая, жуткая, вымораживающая.

– Я не об этом, хотя от этого и мне тошно. Как скрывать-то мог? Ума не приложу.

– И я. И прилагать не хочу, Виктория Павловна.

Мне в сознание вдруг мысль стрелой влетает. Что теперь будет с моей привычной жизнью? Ладно, муж. С ним дело решённое. Но его родители? Наши общие друзья? Как вообще это происходит у других людей? Совместный круг общения просто сходит на «нет»? Был бы у нас ребёнок, родные и друзья собирались, скажем, на его день рождения. Или общий Новый год праздновали. А здесь... Вряд ли мама Дани будет как и раньше звонить мне и обсуждать концерт, на который они ходили с мужем. Или же рецепт шоколадного торта. Этих мелочей, ставших родными и привычными я, скорее всего, буду лишена.

– Он ещё сказал... – Свекровь делает глубокий вдох, как будто сомневается в том, что стоит мне это говорить.

– Не тяните. Нет того, что мы с вами не можем обсудить.

Виктория Павловна кивает.

– Он сказал, что Свету эту не любит и больше у них никогда ничего не было. И тебя боится потерять. – Она повторяет то, что уже сказала. Но теперь эта боязнь со стороны Верниковского мне противна. Раньше было нужно думать, когда девицу с дороги на себя сажал. – Но маленькому там плохо. Бьёт она его, а как сожитель новый появился, так жизни Марку нет.

«Марк», «маленький» – эти слова явственно говорят о том, что сын Дани уже прочно обосновался и в сердце моей свекрови. И винить я её за это не могу, да и не хочу. Это ведь её плоть и кровь. Её внук.

– Ну так забирает его пусть оттуда. Вы с ним познакомитесь, он мальчик хороший, воспитанный. Даже хорошо, что всё это сейчас случилось, когда он обозлиться не успел.

– Так-то оно так... – Виктория Павловна снова тяжело вздыхает. – Но ты же мне как дочь. И по-бабски тебя понимаю прекрасно. Даня же тебя обидел смертельно, за такое и я бы не простила. По крайней мере, не сразу.

Она смотрит на меня с надеждой. А я уже знаю – не прощу. Вообще за это всё, что сейчас творится, простить не смогу. И хорошо, что детей ему не родила. Не представляю, как бы сейчас своим маленьким объясняла, почему у бабушки и дедушки гостит ещё и их брат.

Нет, я совсем не против Марка, он ведь ни в чём не виноват. Но и своя рубашка всегда ближе к телу.

– Я не прощу. Зря сын ваш надеется, что искупить вину можно. Он наворотил слишком много. И должен это понимать.

– Знаю, Сонь. Я это знаю.

Свекровь отпивает порядком остывший кофе. Наш с ней разговор – словно точка, поставленная во всё. Хотя, надо признаться, таких точек за последние пару дней я уже поставила в отношениях с мужем не раз. Но это даже не финал – это последний эпизод, идущий после титров.

Ребёнок есть. Он найден. Даня заберёт его и теперь его не придётся скрывать.

Мы с мужем разведёмся. Как бы он ни пытался сейчас сделать вид, будто вся эта ситуация решаема, итог один – расставание. Пусть болезненное, наполненное теми событиями, которые принесут лишь горечь, но для меня это дело решённое. И Верниковский волей-неволей примет всё так, как это вижу я.

Ну а дальше – новая жизнь. С ощущением, что мне вбили кол в грудь, а я выжила и теперь вынуждена с ним как-то существовать.

Но иного пути нет.

Я просто обязана выжить.

Последующие пару дней проходят... спокойно. Тихо, равнодушно, выжжено. Наверное, так себя можно почувствовать посреди пустыни изо льда. Когда уже настолько привык к холоду, что он совершенно неощутим. Просто воспринимается как часть самого тебя и это в какой-то момент становится даже приятным.

«Как ты? Я могу к тебе приехать?» – это сообщение приходит от Верниковского к вечеру. Сжав челюсти с такой силой, что скрипят зубы, я печатаю ответ:

«Я же сказала, что дико от тебя устала. Оставь меня в покое!»

Отправив ответ, я размышляю несколько мгновений и набиваю ещё одно сообщение:

«Когда соберёшься забрать, наконец, свои вещи, предупреди. Я попрошу Юльку – она тебя впустит в квартиру».

Даня молчит долго. Даже кажется, что он уже не ответит, когда сообщение всё же приходит:

«Я не хочу забирать свои вещи, Сонь. Я безумно соскучился. Я хочу к тебе. Я тебя люблю».

Зачем он так со мной? Когда всё ещё настолько болезненно? Знает ведь, что каждое слово – как острой бритвой по нервам. Знает и делает.

От необходимости подыскивать ответы меня избавляет звонок в дверь. Хмурюсь, взгляд сам по себе скользит по настенным часам. Вроде бы в гости никого не жду, но Юлька или свекровь вполне могут объявиться и без приглашения.

Когда отбрасываю телефон на диван, словно всё это время держала в руках ядовитую змею, направляюсь в прихожую. Один взгляд в глазок и сердце сначала замирает, а потом бро-сается вскачь. За дверью стоит тот, кого совершенно не ожидаю увидеть.

– Саша? – открыв неожиданному гостю, выдыхаю удивлённо.

– Привет. Ты тогда адрес сказала, я запомнил. Кое-что выронила в машине. Привёз, – чеканит он слова, а сам демонстрирует старенький носовой платок. Сама до сих пор не знаю, зачем таскаю его, но тому научена бабушкой.

«У тебя всегда должен быть с собой платок, Соня. Хорошо?» – с улыбкой говорила она лет... двадцать пять назад.

– Спасибо, – улыбаюсь в ответ. – Но не стоило так утруждать.

Забрав Сашину находку, я закусываю губу. Наверное, стоит хоть как-то отблагодарить Дарьялова. Например, пригласить его на чашку кофе. Но не представляю, насколько это будет уместным.

– Я ещё кое-что сказать хотел, – тихо говорит он, и я выпаливаю, чтобы не передумать:

– Тогда заходи. Кофе со мной выпьешь?

Он кивает, заходит в квартиру. Плотно закрывает за собой дверь и запирает её на все замки. Скидывает короткую кожаную куртку. Пока разувается, я устремляюсь на кухню.

У меня внутри поселяется какое-то странное чувство. Вроде никаких тревог по поводу Саши, а тело натянутое, как стрела.

Дарьялов моет руки в ванной, приходит ко мне. Кофемашина уже выдала порцию аме-рикано. Почему-то кажется, что Саша будет именно его.

– Хочешь, другой сделаю? – спрашиваю осторожно, когда Дарьялов устраивается за сто-лом.

– Нет, этот отличный.

Он не торопится его пробовать – ждёт, когда сделаю себе капучино и сяду напротив.

– Сахар, сливки?

– Нет, – мотает он головой и отпивает горький напиток. – Я хотел извиниться за то, что спросил у тебя про Марка.

Не сразу понимаю, о чём он, а когда до меня доходит, брови сами по себе взлетают вверх.

– Тебе не за что извиняться. Ты же не знал про то... ну...

– Что ты не мать его? Знал.

– Тогда зачем спросил?

– Я думал, вы с Верниковским всё же забрали его.

На этом моменте хмрюсь. Дане ведь знаком Дарьялов... значит, их знакомство было связано с Марком?

– Я о нём узнала несколько дней назад, – глухо признаюсь, опустив взгляд.

Слова эти самой себе постыдными кажутся, но почему-то чувствую лёгкость, когда делюсь тем, что касается только меня, с незнакомым, по сути, мужчиной.

– Вот оно что. Ясно.

– А ты Даниила давно знаешь?

Не могу не спросить об этом, потому что, похоже, степень моей неосведомлённости в том, что касается мужа, шкалит по всем параметрам.

– Да мы мало знакомы. Дом он снимал в Приморском районе. Знаешь, где сектор частный?

У меня краски все с лица исчезают, чувствую это физически. Дом он снимал... чёрт бы всё побрал! Сколько ещё новостей на квадратный сантиметр информационного пространства меня ожидает?

– Знаю, – отвечаю помертвевшими губами.

– Мать пацана его чуть не спалила. Вместе с Марком.

Лицо Дарьялова приобретает жёсткое выражение. Становится похожим на высеченную из камня маску, которую он надел во мгновение ока.

– Ты...

– Я его оттуда вытащил, да. Только думал, что после этого Верниковский сообразит пацана забрать.

Уткнувшись в чашку кофе, я пытаюсь мысленно бороться с тем водоворотом чувств, которые меня обуревают. Во-первых, Даня тратил деньги на то, чтобы снимать дом своему сыну и Свете. Потом, вероятно, он снова вложился в аренду, только теперь перевёз «семью» подальше от города. Или же вообще купил им квартиру в пригороде? Боже, почему я вообще задаю этими вопросами? Наш брак ведь в прошлом.

И, во-вторых, он настолько опасался меня потерять – в чём я, конечно, всё же сомневалась – что готов был врать и дальше, продолжая рисковать жизнью маленького мальчика, которому с матерью было откровенно плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.